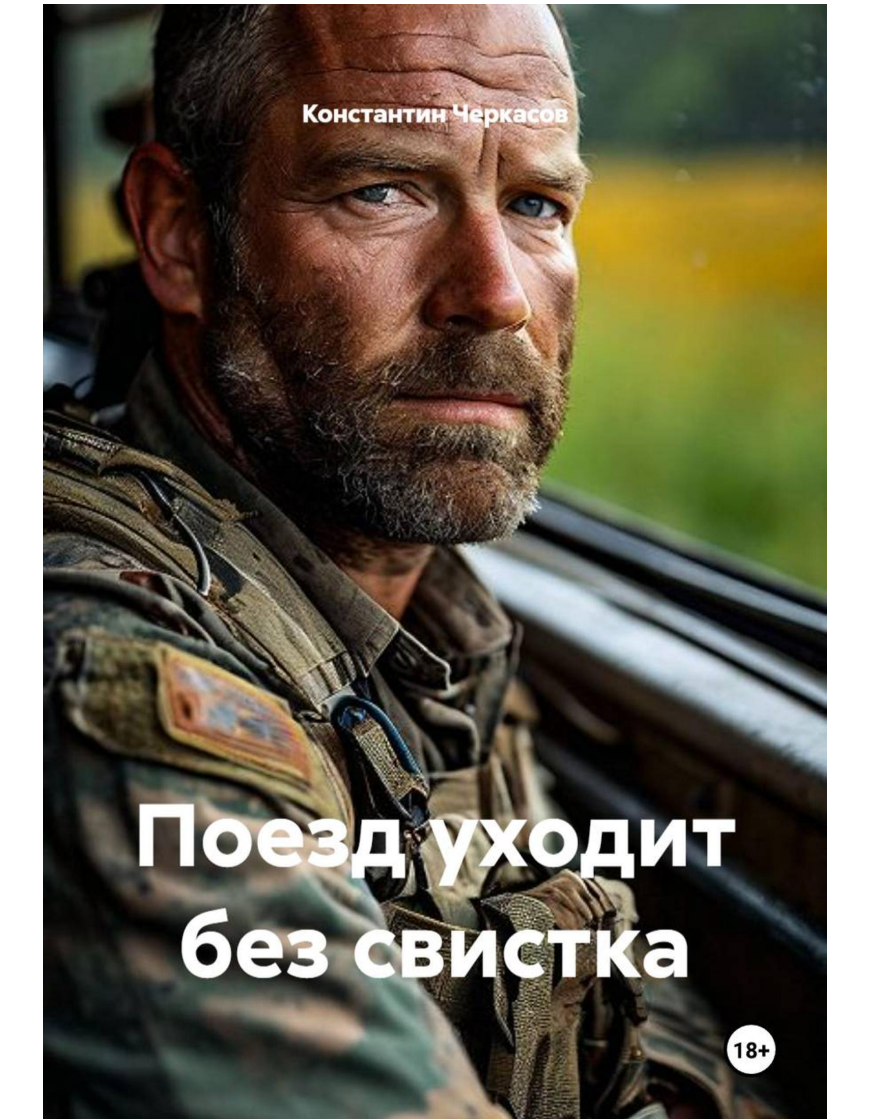

Константин Черкасов

Поезд уходит без свистка

18+

Константин Черкасов

Поезд уходит без свистка

<https://litres.ru/74053544>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бен Лост — наемник. Восемь лет контрактов, горячих точек и лиц, которые не запоминаются. Он подписался на Специальную военную операцию — восемь тысяч в месяц, работа привычная, опасность привычная. Но вместо передовой он просыпается в старом купе. Напротив — молчаливый дальнбойщик с зашитым рюкзаком. Сверху — гладко выбритый консультант, от которого пахнет дорогим табаком и серой.

Бен не помнит, как сел в поезд. В голове — провал, в кармане — жетон наемника и горсть патронов. За окном — поля, леса, мертвые города. На станциях выходят люди, похожие на персонажей странных историй — про зависть, гордыню, про то, что человек платит за свой выбор раньше, чем получает чек.

«Поезд уходит без свистка» — это жесткая, обжигающая проза о границе, за которой не работают контракты. О встрече, которую невозможно отменить. О том, что последний маршрут всегда ведет домой. Даже если дома нет.

Осторожно: книга не отпустит до последней страницы. А после последней — заставит перечитывать сначала.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Поезд уходит без свистка

Глава 1

Глава 1. Вагон имени Ленин

Бен Лост открыл глаза и подумал, что оглох. Потому что тишина была неестественной. Не той полевой тишиной, когда ветер гоняет пыль по воронкам. А той — вакуумной, когда не работает ни один звук, кроме крови в висках. Он лежал на боку. Щека прилипла к чему-то холодному и ворсистому. Затекали руки. Левая нога занемела, и каждый удар сердца отдавался в пятке тупой, как кувалда, болью.

Зеленое одеяло. Выцветшее, драное, с пятнами неизвестного происхождения. Потолок — низкий, фибровый, с сеткой трещин. Столик из коричневого пластика. Подстаканник — старый, советский, с мельхиором, который давно потемнел.

Купе. Он был в купе. Поезд не двигался. Не качался. Колеса не стучали. Но воздух дрожал — мелкой, неуловимой дрожью, будто где-то глубоко под полом что-то гудело, жило своей жизнью. Голова кружилась. Он провел ладонью по лицу. Пыль. Грязь. Засохшая корка у уголка губ — то ли кровь, то ли слюна. Пальцы пахли железом и потом. Тот запах, который не выветривается из кожи даже после трехдневного душа.

Купе было старым. Не просто старым — забытым. Зеркало на двери замутнело, как глаз катарактом. Занавески — синий ситец — висели косо, подвязанные узлами, похожими на петли. На стене, над верхней полкой, кто-то выцарапал ножом: «СЛАВА» — и дальше слово обломилось. Его вещей не было. Ни рюкзака. Ни бронника. Ни автомата. Только то, в чем он пришел: тактические штаны цвета «мультикам», застиранные, на коленях протертые до ниток. Футболка — черная, хлопковая, когда-то дорогая, сейчас в мелких дырочках от искр. На левом предплечье — пустая кобура «Серпа». На правом — часы G-Shock. Экран треснут, но время идет. Время шло. 14:23.

Какое сегодня число? Он не помнил. Он помнил только одно. Вспышка. Не взрыв — другая вспышка. Ментальная: контракт. Специальная военная операция. Деньги. Много денег. Восемь тысяч долларов в месяц чистыми, плюс бонус за каждого «двухсотого». Он подписал бумаги в варшавском офисе, где пахло кофе и дешевым пластиком. Ему пожали руку. Сказали: «Бен, ты профессионал». А потом — темнота.

Бен встал. Ноги держались плохо. Сделал два шага к окну. Занавески раздвинул. За окном была Россия. Или Украина. Или то, что от них осталось. Поле. Бесконечное, серое, сожженное. Не чернозем — пепел. Среди пепла торчали скелеты подсолнухов, черные, скрюченные, похожие на высохшие пальцы. Где-то вдалеке дымился лес. Не горел — имен-

но дымился, медленно, как трясина. И никаких признаков жизни. Ни людей. Ни машин. Ни птиц.

Бен попытался вспомнить, как он оказался в вагоне. Пустота. Как будто кто-то взял ластик и стер три часа, четыре, день. Последнее, что осталось в памяти: жара. Сухая, ненастоящая жара. Он сидел в какой-то яме. Рядом кто-то плакал. Или молился.

— Тук-тук, — сказали из коридора.

Бен резко обернулся — профессиональная привычка, так же как спать с открытыми глазами и не моргать при хлопке. В дверях стоял мужчина. Лет сорока. Высокий. Русский, с залысинами. Обычное лицо — такое бывает у учителей физкультуры или у бывших военных, которые ушли в такси. Серые глаза. Простая черная ветровка на молнии, выдавшая разное. Джинсы. Кроссовки «Адидас» с галочкой — китайская подделка, такие продают на рынках за двадцать долларов. Ничего необычного.

— Свободно? — спросил мужчина, кивая на полку.

Бен не ответил. Он изучал руки мужчины. Чистые. Ногти коротко стрижены. На указательном пальце — старый шрам, похожий на след от ножа.

— Свободно, — сказал Бен, потому что не нашел причин отказать.

Мужчина зашел. Сел рядом с окном. Поднял подстаканник, покрутил в руках, поставил обратно. Жесты спокойные, неторопливые. Обычный человек в обычном поезде.

— Михаил, — представился он.

— Бен.

— Американец?

— Да.

— Далеко едешь? — спросил он.

Бен хотел ответить. И не смог. Потому что не знал. Он сел в поезд, но куда, зачем — не помнил. Билета в кармане не было. Только жетон наемника с номером 417 и горсть патронов 7.62.

— Не знаю, — признался Бен.

Михаил посмотрел на него. Спокойно. Не осуждающе, не удивленно.

— Бывает, — сказал он. — В дороге часто забываешь, зачем ехал. Особенно в таких поездах.

Поезд дернулся. Внезапно, грубо, без предупреждения. Колеса лязгнули — металл о металл, старый, ржавый, болезненный звук. Бен схватился за край полки. Михаил даже не шелохнулся. Вагон покачнулся и поплыл. В окне побежал пепел. Медленно, скупно, как кадры старой кинохроники.

— Второй попутчик к вам подсаживается, — сказал из коридора проводник.

Бен не слышал, как он подошел. Проводник стоял в проходе — мужчина лет пятидесяти, в синей форме, измятой и застиранной до белесости. Фуражка сидела криво. Лицо — бледное, с мешками под глазами. Обычное лицо уставшего железнодорожника.

— Не против? — спросил проводник. Голос глухой, равнодушный.

— Без разницы, — ответил Бен.

Проводник кивнул и ушел. Бен не заметил, как — шаги были слишком тихими для тяжелых форменных ботинок. Через минуту в купе зашел второй. Коротко стриженный. Бритый, с аккуратной эспаньолкой. На вид — чуть за тридцать. Одет в темно-синее пальто, недорогое, но с иголки. На ногах — коричневые туфли, начищенные до того состояния, когда на них больно смотреть. От мужчины пахло дорогим табаком и чем-то сладковатым — может, парфюмом, может, кожей.

— Привет, — сказал он, кивая обоим сразу. — Не занято?

— Садись, — сказал Михаил.

Второй сел рядом с Беном. На той же полке. Ближе, чем хотелось бы. Бен подвинулся.

— Темптер, — представился мужчина, протягивая руку.

Бен пожал. Ладонь оказалась сухой, теплой, с цепкими пальцами.

— Бен.

— Американский акцент, — улыбнулся Темптер. — В этих краях редкость сейчас. По работе?

— Можно и так, — сказал Бен.

— Наемник? — прямо спросил Темптер.

Бен не ответил. Он смотрел в окно, где вместо пепла пошли поля. Рожь. Настоящая, живая, золотая, под низким

солнцем. Но что-то в этой ржи было неправильным. Слишком ровные ряды. Слишком тихо. Ни ветра, ни птиц.

— Я тоже по работе, — сказал Темптер, доставая пачку сигарет. «Мальборо», красный. — Но моя работа другая. Консультации.

— В чем? — спросил Бен без интереса.

— В выборе.

Михаил, который все это время молчал и смотрел в окно с противоположной стороны, повернул голову.

— В выборе чего? — спросил он.

И тут Бен заметил. Михаил и Темптер посмотрели друг на друга. Не как враги. Не как знакомые. Как люди, которые видят друг друга впервые и еще не решили, что делать с этим фактом.

Темптер пожал плечами:

— В выборе пути. Работы. Жизни. Смерти. — Он улыбнулся. Уголки губ поднялись ровно на миллиметр. — Бывают же сложные решения, правда?

Поезд качнуло сильнее. В окне вместо ржи показался лес. Обычный, русский лес — березы, осины, редкие сосны. Но все деревья были мертвыми. Серыми. И на каждом — ни одного листа.

— Станный лес, — сказал Бен вслух.

— Бывает, — ответил Михаил.

— Не бывает, — усмехнулся Темптер.

Они снова замолчали. Каждый смотрел в окно. У каждо-

го в глазах было что-то, что Бен не мог прочитать — слишком устал, слишком плохо соображал, слишком сильно болела голова. Поезд шел вперед. Колеса стучали монотонно, как метроном.

Бен Лост сидел между двумя незнакомцами, сжимал в кармане наемничий жетон и чувствовал, что что-то не так. Что-то с ним, с этим поездом, с этими людьми. Но что именно — не понимал. Он вздохнул, откинулся на стенку и закрыл глаза. Когда он откроет их снова, полей за окном не будет. Будет только тьма. Но это будет потом. А пока — стук колес, запах табака и две чужие спины по бокам.

Глава 2

Глава 2. Дорога без начала

Поезд шел ровно. Не так, как ходят нормальные поезда — с ускорением, торможением, с неприятным всхлипом на стыках. Он шел так, будто ехал всегда. С одинаковым, чуть слышным гудением, от которого начинало ныть в зубах.

Бен сидел на нижней полке у окна. Слева от него, на соседней нижней, устроился Михаил. Темптер забрался наверх, на полку над Михаилом, и свесил ноги в дорогих туфлях. Над Беном пустовало место — ни вещей, ни одеяла, только матрас в серых пятнах.

Окно было одно. На всех троих. За ним тянулась земля. Серая, плоская, без единого дерева. Иногда попадались воронки, заполненные мутной водой, иногда — ржавые остовы техники, похожие на скелеты доисторических животных. Бен смотрел в это окно уже полчаса. Или час. Он потерял счет времени.

— Давно ты в дороге? — спросил Михаил.

Голос спокойный, без нажима. Михаил сидел расслабленно, положив руки на колени.

— Не помню, — сказал Бен. — Я вообще много чего не помню.

— Это лечится, — вставил Темптер сверху. — Водкой, например. Или разговором по душам. Второе полезнее, но

первое быстрее.

Бен не ответил. Он смотрел в окно. Пейзаж за стеклом был серым и плоским, как лист жести. Поле, снова поле, потом редкие деревья, похожие на согнутых старух, потом опять поле. Ни городов. Ни ферм. Никаких признаков, что здесь живут люди. Только в одном месте, когда поезд чуть сбавил ход, Бен увидел грузовик. УАЗ, старый, с открытым кузовом. Стоял на обочине, вверх колесами. Двери вырваны. Вокруг — черное пятно, разошедшееся по песку как масло. И больше ничего. Бен посмотрел на Михаила. Тот тоже смотрел на грузовик.

— Твой? — спросил Бен.

Михаил кивнул.

— Был мой.

— Что случилось?

— Мина. Или ФПВ-дрон. Я не видел. Сидел в кабине, перекуривал. Потом бахнуло. Очнулся в кювете. А машины уже нет. Только колесо осталось. Переднее, правое.

Он говорил без эмоций. Как о поломке стиральной машины.

— Повезло, — сказал Бен.

— Не то слово, — согласился Михаил. — Только вот везти не на чем. А груз обещал доставить.

— Какой груз?

— Не знаю. Пакет. В конверте. Наняли курьером. Денег дали вперед. Сказали: довези до места. Я согласился. Доро-

ги я знаю, времени свободного много. А теперь вот — без тачки.

— И ты решил ехать поездом?

— А что делать? — Михаил пожал плечами. — Обещал — надо везти.

Поезд дернулся. В динамике над дверью раздался скрежет, потом голос — усталый, прокуренный, без интонаций:

— Следующая станция — Белые Пески. Стоянка пять минут.

Бен поднял голову. Впервые за все время он услышал, чтобы поезд объявлял остановки. Он ждал, что голос добавит еще что-то — про осторожность, про время прибытия, но в динамике зашипело и погасло.

— Белые Пески, — повторил Темптер. Он все еще сидел на верхней полке, покачивая ногами. — Хорошее название. Бывал там?

— Не помню, — отрезал Бен.

— Ты много чего не помнишь, — заметил Михаил. Не зло. Констатируя.

Бен замолчал. Он уставился в столик. Коричневый пластик был исцарапан. Кто-то выцарапал ножом сердечко, проткнутое стрелой, и подписал: «Люда + Коля 2007». Рядом — матерное слово из трех букв, перечеркнутое. Еще ниже — чей-то телефон, начинающийся на +7.

Бен провел пальцем по царапинам. Острые края. Настоящие. Он вдруг вспомнил. Не то чтобы воспоминание — так,

картинка. Он сидит в таком же купе. Год не помнит. Поезд Москва — Симферополь. Ему двадцать три. Он возвращается из командировки. Нет, не командировка. Из первого контракта. Ирак? Нет, раньше. Картинка дрогнула и рассыпалась.

— Ты военный? — спросил Михаил.

— Был, — ответил Бен. — Потом наемник.

— Давно?

— Восемь лет. Или девять. Сбился со счета.

Темптер сверху хмыкнул.

— Достойная профессия для человека без счета.

— А ты кем работаешь? — спросил Бен, поднимая голову.

— Я же сказал. Консультант.

— В какой сфере?

— В этике. — Темптер улыбнулся. — Шучу. В бизнесе. Помогаю людям принимать решения. Сложные решения. Те, после которых не спится.

— И часто к тебе приходят?

— Достаточно. Люди любят перекладывать ответственность. Особенно когда цена ошибки высокая.

Михаил слушал молча. Он смотрел в окно, на проплывающие мимо поля.

— А ты, — спросил Бен у Михаила, — давно водителем?

— Лет пятнадцать. Всю Россию изъездил. До Киева доезжал, до Минска, до Харькова. Грузы возил. Стройматериалы в основном. Иногда — продукты.

— И сейчас бы возил, если бы не дрон?

— Если бы не дрон, — эхом повторил Михаил. — Да. Только сейчас везде дроны. И мины. И снайперы. Не та дорога стала.

Он помолчал. Потом добавил:

— Я этот пакет везу. Довезу — и все. Дальше хоть в пекари пойду. Или в дворники.

Бен не поверил. Не в слова — в интонацию. Слишком спокойно. Слишком ровно. Как у человека, который знает больше, чем говорит. Поезд замедлился. За окном проплыла платформа. Бетонная, облупившаяся, с редкими столбами освещения, которые не горели. На платформе стоял один человек — женщина в темном пальто, с большим узлом в руках. Лица не разобрать. Она не шевелилась. Стояла как памятник.

— Белые Пески, — повторил динамик.

Поезд остановился. Вагон качнулся, лязгнул сцепкой. И в ту же секунду Бен слышал шаги в коридоре. Тяжелые, уверенные. Кто-то шел от начала вагона к концу, не спеша, пристукивая подошвами. Дверь купе сдвинулась. На пороге стоял мужчина в синей форме проводника. Бледный, с мешками под глазами, с фуражкой набекрень. В руках он держал жестяной поднос с тремя стаканами в подстаканниках.

— Кипяток, — сказал он равнодушно.

Поставил поднос на стол. Один стакан перед Михаилом, второй перед Беном, третий — на верхнюю полку, рядом с

Темптером. Повернулся и вышел. Бен посмотрел на стакан. Чай? Нет. Просто кипяток. Прозрачный, с паром, поднимающимся над поверхностью. На дне — ни заварки, ни сахара. Вода. Он взял подстаканник. Металл был горячим, но Бен не обжегся. Слишком мозолистые пальцы.

— А где проводник? — спросил он. — Как его зовут?

— Илья, — ответил Михаил. — Он представлялся.

— Когда?

— Когда ты спал.

Бен не помнил, чтобы он спал. Но Михаил сказал это так спокойно, что спорить не хотелось. Темптер дул на свой кипяток. Аккуратно, по-кошачьи, сложив губы трубочкой.

— Хороший проводник, — заметил он. — Внимательный. Кипяток вовремя принес.

— Обычный, — сказал Михаил.

— Не бывает обычных проводников, — возразил Темптер. — Бывают плохие или хорошие. Этот — хороший. Даже слишком.

Он поставил стакан на столик, свесился с полки и посмотрел на Бена.

— Ты так и не рассказал, куда едешь.

— Я не знаю.

— Ты знаешь. Просто не хочешь говорить.

Бен стиснул зубы. Этот Темптер раздражал. Не тем, что лез в душу — многие лезут. А тем, что угадывал.

— Украина, — сказал Бен. — На СВО. Деньги.

— Много?

— Восемь тысяч долларов в месяц.

— Это много, — согласился Темптер. — Особенно если учесть, что платят вперед.

— Мне не заплатили.

— Почему?

— Потому что я еще не начал.

— Или потому, что не закончил?

Бен посмотрел на него в упор. Темптер не отвел взгляд. Глаза — обычные, карие, с мелкими морщинками в уголках. Ничего демонического. Ничего святого. Просто мужчина, который едет в неизвестном ему направлении. Михаил поднял свой стакан. Отхлебнул кипятка так, будто это был чай. Без гримасы, без удивления.

— Восемь тысяч, — повторил он задумчиво. — Недешево. Кто платит?

— Контора. Варшава. Наемников набирали. Требовались опытные. С боевым.

— И ты поехал.

— Поехал.

— Зачем?

Бен хотел ответить: «деньги». Просто, как отрезать. Но слово застряло в горле. Потому что деньги — это была только половина. Вторая половина была другой. Темной. Липкой. Той, о которой он не говорил даже сам себе.

— Привык, — сказал он наконец. — К войне привык. К

гражданке — нет.

— А семья? — спросил Михаил. — Жена, дети?

— Нет.

— Родители?

— Отец умер. Мать в доме престарелых умерла во Флориде. Я ей деньги посылал. Иногда.

Михаил кивнул. Темптер молчал, крутил в пальцах незажженную сигарету. За окном платформа с женщиной осталась позади. Поезд набирал скорость. В стекле отражались трое мужчин. Бен поймал себя на мысли, что смотрит не на пейзаж, а на отражения. На свои глаза — красные, воспаленные. На лицо Михаила — усталое, но какое-то... цельное. На лицо Темптера — слишком спокойное.

— А ты, — спросил Бен у Темптера, — куда едешь?

— По делам.

— Каким?

— Есть один клиент. Должен с ним встретиться. Обсудить условия.

— В зоне боевых действий?

— Везде сейчас зона боевых действий, — усмехнулся Темптер. — Просто не все об этом знают.

Он сунул сигарету обратно в пачку. Посмотрел на табличку «НЕ КУРИТЬ», прикрученную над дверью. Убрал пачку в карман пальто.

— Твой груз, — Бен повернулся к Михаилу, — что в пакете?

— Не знаю. И не хочу знать. Наняли — везу. Конверт запечатан. На конверте адрес. Довезу — отдам. Получу остальное.

— И кто нанял?

— Мужик. На стоянке подошел. Сказал — ты Михаил? Я говорю — да. Он говорит — есть работа. Срочная. Оплата хорошая. Я согласился.

— Не боишься?

— Чего?

— Что в конверте? Наркотики? Оружие? Деньги?

Михаил посмотрел на Бена. В глазах — ни страха, ни любопытства. Только усталость.

— Если в конверте наркотики, я их не нюхаю. Если оружие — я не стреляю. Если деньги — они не мои. Я просто везу. Понял? От точки А до точки Б. Остальное не мое дело.

Бен хотел сказать что-то еще. Про ответственность. Про риск. Но осекся. Потому что понял: он делает то же самое. Его наняли убивать. От точки А до точки Б. Остальное не его дело. В купе повисла тишина. Поезд снова дернулся. За окном потемнело. Не от времени суток — просто тучи набежали. Низкие, черные, с багровым отливом.

— Буря будет, — сказал Темптер. — Я люблю бури. Очищают воздух.

— От чего? — спросил Бен.

— От молчания.

Бен отвернулся к окну. В стекле, поверх отражений, по-

ползли первые капли дождя. Крупные, редкие, похожие на слезы. Они оставляли грязные разводы на пыльном стекле. Он снова попытался вспомнить. Вспышка. Жара. Яма. Плач. И больше ничего. Лост, наемник с восьмилетним стажем, за-был. Он вообще плохо соображал. Его пальцы, лежащие на столе, вдруг задрожали. Мелко, противно, как у старика. Бен спрятал руки под стол. Михаил заметил. Ничего не сказал. Только подвинул свой стакан с кипятком ближе к Бену.

— Пей, — сказал он. — Поможет.

Темптер усмехнулся. Достал наконец сигарету, но не за-курил. Покрутил в пальцах, понюхал фильтр, убрал за ухо.

— Восемь тысяч в месяц, — повторил он, глядя в потолок. — Интересно, кто оценил твою душу в такую сумму.

— Я сам, — сказал Бен.

— Нет, — покачал головой Темптер. — Твою жизнь оце-нил кто-то другой. А ты просто подписался.

Поезд вошел в лес. Мертвый лес. Серые стволы, черные ветки, похожие на спутанные волосы. Дождь усилился. Стек-ло залило водой, и отражения троих мужчин поплыли, сме-шались, превратились в одно расплывчатое пятно. Бен взял стакан. Отхлебнул кипяток. Вода обожгла губы, язык, горло. Боль была настоящей. Живой. Значит, он еще жив. Он по-ставил стакан, откинулся на стенку и закрыл глаза. Стук ко-лес звучал как пульс. Медленный. Нечеловеческий. За две-рю купе снова кто-то прошел. Бен не открыл глаза. Он знал, что это Илья. Проводник с лицом выцветшей фотографии.

Глава 3

Глава 3. Водочное забытье

Поезд шел сквозь дождь. Стекла затянуло мутной пеленой. Пейзаж за ними превратился в акварельное пятно — серое, зеленое, с редкими вспышками белого, когда молния резала небо над лесом. В купе пахло кипятком, старой обивкой и сигаретами Темптера, которые он так и не закурил. Бен сидел, прислонившись спиной к холодной стене вагона, и чувствовал, как головная боль отступает. Не проходит — отступает. Сдает позиции медленно, нехотя, как старый окопник, который бросает пулемет только когда кончились патроны.

Михаил молчал. Темптер тоже. Тишина была неловкой. Не враждебной — той, какая бывает между незнакомцами, которые оказались в одном купе и еще не решили, стоит ли нарушать молчание. Лост решил первым.

— Выпить бы, — сказал он.

Михаил поднял бровь.

— Здесь не продают, — ответил он. — По крайней мере, в этом вагоне.

— Я и не надеялся.

— Похмелье? — спросил Темптер с верхней полки.

— Похмелье. Забытье. Я помню, как пил. Потом — провал. А теперь — вы.

Он замолчал, собираясь с мыслями. Воспоминание при-

шло само. Не картинка — набор ощущений. Тесная комната. Запах дешевого табака и жареной картошки. Гул голосов — польских, украинских, один немецкий. Кто-то орет тост на ломаном английском. Стакан картонный, размокший от водки, мнется в пальцах.

— Накануне, — сказал Бен медленно, — я был с ребятами. Наемники. Поляки, украинцы. Мы пили водку. Много водки.

— Где? — спросил Михаил.

— В... — Бен запнулся. — Я не помню город. Какой-то город. Западная Украина. Львов? Или Тернополь. Не важно. Мы сидели в подвале. Бар. Стены из камня. Сыро. Воняло плесенью и перегаром.

— И ты напился, — констатировал Темптер.

— Я напился, — согласился Бен. — Я пил с ними часа три. Потом еще два. Потом мы вышли на улицу. Был вечер. Теплый. Очень теплый. И... — он потер лоб, — и я сел в такси. Нет, не в такси. Меня кто-то довез до вокзала.

— Кто? — спросил Михаил.

— Не помню. Темнота. Я зашел в поезд. Нашел свое купе. Лег. И проснулся здесь.

Он закончил и сам не поверил своим словам. Слишком гладко. Слишком логично. Как будто кто-то подсказал эту цепочку воспоминаний, разложил их по полочкам, а Бен просто озвучил.

Михаил кивнул.

— Бывает, — сказал он. — С водкой всегда так. Пьешь — помнишь. Потом — провал. А потом оказываешься в поезде, который идет черт знает куда.

— Ты сам так попадал? — спросил Бен.

— Со мной было другое. Я однажды в Ростове напился. Очнулся в Таганроге. В чужой машине. Ключи в замке зажигания, а я на заднем сиденье. Без штанов.

Темптер сверху фыркнул.

— Это история. А штаны где были?

— В багажнике, — серьезно ответил Михаил. — Свернутые. И надпись на лбу маркером: «Звоните такому-то». Я позвонил. Хозяин машины приехал, посмеялся, отвез меня обратно. Сказал: «Не пей с рыбаками, брат».

Бен почти улыбнулся. Почти.

— Ты, — он поднял голову к Темптеру, — тоже так попадал в поезда?

Темптер покачал головой.

— Я в поезда не попадаю. Я в них сажусь осознанно. Билет покупаю. Место выбираю. Я человек порядка, Бен. Хаоса не люблю.

— А консультант, который любит порядок. Звучит как оксюморон.

— Оксюморон, — повторил Темптер, будто пробуя слово на вкус. — Хорошее слово. Ты начитанный наемник.

— Я закончил колледж. До армии.

— И что изучал?

— Историю.

Темптер присвистнул.

— История — опасная штука. Особенно если знать, как она повторяется.

— Я не знал. Я просто хотел диплом.

— А потом пошел воевать, — вставил Михаил. Не вопрос — утверждение.

— Потом пошел воевать, — подтвердил Бен.

Поезд качнуло сильнее. В окне дождь сменился градом. Мелкие белые крупинки барабанили по стеклу, таяли, оставляли мокрые дорожки.

— Расскажи о себе, — попросил Бен у Михаила. — Ты сказал — дальнобойщик. А до этого?

— До этого? — Михаил задумался. — До этого я служил. В армии. Срочную. В железнодорожных войсках.

— Шутишь?

— Нет. Я рельсы клал. В девяностом. Еще при Союзе. Потом работал на стройке. Потом — водителем. Женился. Развелся. Опять женился. Опять развелся. Детей нет. Родители умерли. С братом не общаемся.

— Простая жизнь, — сказал Бен.

— Простая, — согласился Михаил. — Я и есть простой человек. Вот везу пакет. Довезу — получу деньги. Куплю новый грузовик. Буду возить стройматериалы. Может, накоплю на квартиру. Или не накоплю.

Он говорил ровно, без надрыва. Обычный мужик. Устав-

ший. С битой жизнью, которая не сложилась, но и не развалилась окончательно.

Темптер слушал, поигрывая зажигалкой. Не зажигал — просто щелкал крышкой. Металлический звук вторил стуку колес.

— А ты? — Бен повернулся к нему.

— Что я?

— Кто ты? Не «консультант». А кто по жизни?

Темптер убрал зажигалку. Сложил руки на груди.

— Я учился на юриста. В Москве. Не закончил. Потом работал в продажах. Потом — в переговорах. Потом понял, что умею убеждать. Не продавать — убеждать. Это другой навык.

— В чем разница?

— Продавец предлагает товар. Убеждающий предлагает решение. Разница в том, что решение клиент считает своим собственным. Даже если ты его подсказал.

— Манипуляция, — сказал Михаил.

— Коммуникация, — поправил Темптер. — Манипуляция — это когда тебя заставляют делать то, что ты не хочешь. Я работаю иначе. Я показываю варианты. Клиент выбирает.

— И много клиентов в зоне боевых действий? — спросил Бен.

Темптер улыбнулся. Улыбка была мягкой, почти дружеской.

— Там, где люди рискуют жизнью, вопросов больше, чем

ответов. Я помогаю находить ответы.

— И как ты оказался в этом поезде?

— Встреча. Я сказал. У меня клиент в этих краях. Мы должны обсудить его... затруднение.

— Какое затруднение?

— Не могу сказать. Конфиденциальность.

Бен хмыкнул. Вытащил из кармана жетон наемника, повертел в пальцах. Латунь нагрелась от тела.

— Странный поезд, — сказал он.

— Обычный, — возразил Михаил. — Старый, правда. Но надежный. Я такие помню. Еще в девяностых ездил. Те же сиденья. Те же подстаканники.

— А куда он идет?

— В объезд, — сказал Михаил. — Из-за боевых действий маршрут изменили. Теперь через поля, через леса. Долго. Часа три до следующей крупной станции.

— А конечная?

— Конечная, — Михаил пожал плечами. — Конечная там, где рельсы кончаются.

Темптер засмеялся. Тихо, беззлобно.

— Поэтично, — сказал он. — Я бы сказал проще: конечная там, где пассажиры выходят.

Бен посмотрел на него. Темптер ответил взглядом. В его глазах не было ничего странного. Усталый, чуть ироничный взгляд человека, который много видел и многое перестал принимать всерьез.

И Михаил — обычный дальнобойщик с битой жизнью и пакетом в рюкзаке.

И он сам — Бен Лост, наемник, который вчера накачался водкой с поляками и украинцами, сел в поезд, а теперь едет неизвестно куда.

Все нормально. Все обычно.

Почему же тогда внутри, под ребрами, росло холодное, липкое чувство, что он врет себе?

— Ты уверен, что просто напился? — спросил Темптер, будто прочитав его мысли.

— А что еще?

— Не знаю. Может, тебе подмешали что-то. Может, ты не сам сел в поезд.

— Кто?

— Кому-то это выгодно. Ты наемник. У тебя могли быть враги. Или заказчики, которые решили, что ты слишком много знаешь.

Бен покачал головой.

— Я никому ничего не должен. Я исполнитель.

— Исполнители умирают первыми, — сказал Темптер. — Особенно когда контракт заканчивается.

Михаил кашлянул.

— Хватит, — сказал он спокойно. — Человек очухался. Голова болит. Не надо его пугать.

— Я не пугаю, — возразил Темптер. — Я предполагаю.

— Предполагай про себя.

Они посмотрели друг на друга. Бен уловил в этом взгляде что-то — не вражду, нет. Скорее несовпадение. Два человека, которые говорят на разных языках.

— Слушайте, — сказал Бен. — Я просто хочу доехать. До места. Получить деньги. Вернуться в Варшаву. Хорошо?

— Хорошо, — сказал Михаил.

— Отлично, — сказал Темптер.

Поезд снова дернулся. В окне град кончился, пошла морось. Лес остался позади, снова потянулись поля. На этот раз — зеленые. Живые. Пшеница, еще не убранная, колыхалась под ветром.

— Скоро станция, — сказал Михаил, глядя в окно. — Я знаю эти места. За полем — поселок. Потом — станция. Называется «Красный Луч». Странное название для места, где нет ни красного, ни луча.

— Ты здесь бывал? — спросил Бен.

— Проездом. Год назад. Везил цемент. На станции грузили. Помню, стоял старый локомотив. Ржавый. На нем кто-то написал краской: «Жди меня».

— Жди меня, — повторил Темптер. — Хорошая надпись.

— Да, — согласился Михаил. — Только не дождался.

Он замолчал. Бен не стал спрашивать, кто не дождался.

В коридоре снова прошел проводник. Медленно, тяжело ступая. За ним тянулся запах сырости и махорки. Он не заглянул в купе. Прошел мимо, как тень.

Бен посмотрел на дверь. Сквозь матовое стекло он уви-

дел чей-то силуэт. Кто-то стоял в коридоре, глядя внутрь. Не Илья — другой. Высокий. В камуфляже.

— Там кто-то есть? — спросил Бен.

Михаил и Темптер обернулись к двери.

Никого.

Пустой коридор. Только качающаяся вешалка с чьим-то плащом.

— Померещилось, — сказал Темптер.

— Наверное, — ответил Бен.

Но он знал, что не померещилось.

Кто-то стоял. Смотрел.

И исчез, когда Бен моргнул.

Он потерял глаза. Голова снова заболела. Не остро — ноюще, как зуб перед удалением.

— Водка, — сказал он вслух. — Никогда больше не буду пить с поляками.

— Каждый так говорит, — заметил Михаил.

— И каждый снова пьет, — добавил Темптер.

Они улыбнулись. Бен тоже.

На секунду ему показалось, что все действительно нормально. Три мужика в поезде. Едут. Разговаривают.

Но потом он посмотрел в окно.

В стекле, поверх отражений троих мужчин, он увидел четвертое лицо.

Свое собственное. Но старше. Страшнее. С открытым ртом, из которого текла черная, как масло, жидкость.

Бен моргнул.

Отражение исчезло.

В окне была только пшеница. И низкое, свинцовое небо.

— Ты чего? — спросил Михаил.

— Ничего, — ответил Бен. — Кажется, у меня галлюцинации.

— С похмелья бывает, — сказал Темптер.

— Бывает, — повторил Бен.

Он откинулся на стенку, закрыл глаза и постарался не думать о том, что увидел. Поезд стучал колесами. Где-то в тамбуре кашлянул проводник. Михаил и Темптер о чем-то тихо переговаривались, но слов Бен не разбирал.

Он провалился в тяжелый, черный сон без сновидений.

И не увидел, как Михаил и Темптер переглянулись. Не увидел, как Темптер покачал головой. Не увидел, как Михаил положил тяжелую ладонь на край полки, где спал Бен, и тихо сказал:

— Рано ему. Еще не время.

А Темптер ответил:

— Время всегда одно и то же. Просто люди не хотят его замечать.

Поезд шел вперед. К станции, которой нет на карте. К месту, где кончаются все дороги.

Глава 4

Глава 4. Начальник поезда

Поезд шел тихо.

Дождь кончился. За окном — снова поля, серые, мокрые, с редкими деревьями, похожими на черные молнии, ударившие в землю и застывшие. Небо висело низко, почти касаясь крыш, проносящихся мимо сараев. Ни дыма. Ни огней. Ни собак.

Бен спал.

Он лежал на своей полке, поджав колени к животу — поза, в которой спится в окопах, когда ждешь рассвета. Лицо было бледным, с синими тенями под глазами. Один ботинок снят, второй остался на ноге. Из кармана штанов торчал угол жетона.

Михаил сидел у окна, смотрел на поля. Рядом с ним на столике стоял остывший кипяток. Второй рукой он придерживал на коленях старый рюкзак — выцветший, потертый, с лямкой, зашитой толстой суровой ниткой. В рюкзаке лежал пакет. Конверт. Темптер все еще был наверху, на полке над Михаилом, и читал что-то в телефоне. Экран освещал его лицо снизу — делал его старше, жестче.

Никто не разговаривал.

Тишину нарушил звук. Не стук колес — другой.

Шаги.

Тяжелые, медленные, уверенные. Не как у Ильи — скользящие, почти неслышные. Эти шаги печатали по коридору: каблук — платформа, каблук — платформа. С ритмом, который не совпадал ни с движением поезда, ни с пульсом.

— Кто это? — спросил Темптер, не поднимая головы от телефона.

— Начальник, — ответил Михаил. — Мордван.

— Имя...

— Погоняло. Он старый. Из тех, кто еще при Союзе начинал. Говорят, он этот поезд помнит новым.

— Поезд не может быть новым, — заметил Темптер. — Ему лет сорок. Минимум.

— А Мордвану — под семьдесят. Или больше. Он не говорит.

Шаги приблизились. Остановились прямо за дверью купе.

Бен не проснулся.

Дверь сдвинулась.

В проеме стоял старик.

Ростом под два метра, но сутулый — плечи сведены вперед, как у человека, который всю жизнь таскал тяжести. Синяя форма начальника поезда — китель с погонами, брюки с лампасами. На погонах — следы от знаков различия, которые сняли, но не до конца. Фуражка — новая, темно-синяя, с гербом: два скрещенных ключа над колесом.

Лицо — старое, морщинистое, с глубокими складками от носа к углам рта. Брови — седые, густые, нависают над гла-

зами. А глаза — не старческие. Светлые, почти бесцветные, смотрят тяжело, без моргания. Руки — огромные, с разбитыми суставами, с ногтями, пожелтевшими как старая кость.

Старик молчал целых пять секунд. Потом заговорил.

Голос — низкий, ржавый, как у человека, который перестал откашливаться лет двадцать назад.

— Кто разместился?

— Я, — сказал Михаил. — Михаил.

— Я, — сказал Темптер с верхней полки, убирая телефон в карман. — Темптер.

— Третий, — старик посмотрел на спящего Бена. — Американский наемник. Знаю. Билет у него есть?

— Не видели, — ответил Михаил.

— У него нет билета. Я проверял. Но он едет. — Старик помолчал. — Значит, ему сюда. Все устраивает?

— Да, — ответил Михаил.

— Вода есть. Кипяток приносят. Туалет в конце вагона, но вода перекрыта. Если что — Илья поможет. Не стесняйтесь.

Старик говорил коротко, рублеными фразами, как командир на построении. Бен не просыпался — но его дыхание изменилось. Стало поверхностным. Пальцы левой руки, той, что свисала с полки, дернулись.

— Поезд идет по маршруту, — продолжал старик. — Остановки по расписанию. Выходить — только на станциях. Двери не открывать. Окна не выбивать. За нарушение — высажу. Поняли?

— Поняли, — сказал Темптер.

Старик посмотрел на него. Долго. Тяжело. Темптер не отвел глаз.

— Хорошо, — сказал старик. — Отдыхайте.

Он повернулся — медленно, с достоинством. В дверях задержался. Не оборачиваясь, бросил:

— У нас в поезде все доезжают. Даже те, кто не купил билет.

И ушел.

Шаги удалялись — каблук, платформа, каблук, платформа. Потом открылась и закрылась дверь в тамбур. Потом — тишина.

Бен открыл глаза.

— Кто это был? — спросил он, садясь.

— Начальник поезда, — ответил Михаил. — Мордван.

— Старый пердун, — добавил Темптер без злобы.

— Не говори так, — сказал Михаил. Голос его стал жестче. — Он заслужил уважение.

— Чем? Тем, что ходит в форме, которой пятьдесят лет?

— Не формой. Жизнью.

Михаил замолчал. Посмотрел в окно. Поля закончились, пошли пески — желтые, сыпучие, с редкими кустами колючки. Поезд замедлился — не для остановки, просто дорога стала хуже.

— Я расскажу, — сказал Михаил, не глядя на попутчиков.

— Про него. Илью потом спросил. Проводник много знает.

Проводник все знает.

Темптер устроился поудобнее. Бен налил себе кипятку из стоявшего на столике стакана. Кипяток остыл — но пить можно.

— Мордвана, — начал Михаил, — зовут на самом деле Никифор Ильич. Фамилии никто не помнит. Он с семидесятых на железной дороге. Начинал кочегаром в паровозном депо. Потом — помощник машиниста. Потом — машинист. Потом — начальник поезда.

— Обычная карьера, — заметил Темптер.

— Обычная, — согласился Михаил. — Но дальше — необычная.

Он отхлебнул воды. Поморщился — остыла.

— В девяносто первом, когда все разваливалось, его поезд попал под обстрел. Где-то на Кавказе. Не важно где. Важно — что. Состав вез детей. Детский санаторий возвращался с моря. Сорок детей. Восемь взрослых.

Бен замер. Стакан застыл на полпути ко рту.

— Бандиты остановили поезд, — продолжал Михаил. — Захотели деньги. Никифор Ильич вышел к ним. Сказал — денег нет, везем детей. Они не поверили. Начали стрелять. Он загородил собой вагон. Две пули — в руку, одна — в бок.

— И что? — спросил Темптер.

— Он выжил. Детей не тронули. Бандиты ушли, потому что слышали шум — другой поезд шел. Никифор Ильич доехал до станции, сдал состав, упал на платформе. Врачи

сказали — чудо. Пуля прошла в сантиметре от сердца.

Михаил помолчал.

— Но это не все. В девяносто четвертом он снова попал под обстрел. На этот раз в Чечне. Вез военных. Снайпер целился в машиниста. Никифор Ильич выключил свет в кабине, сам сел за управление. Провел состав через перевал под огнем. Ни одного раненого. За это получил орден. Но не тот, который дают при жизни.

— Какой? — спросил Бен.

— Мужества. Но не при жизни, — повторил Михаил. — Потому что документы сгорели. В архиве во время бомбежки. Нет бумаги — нет награды. Он не жаловался. Сказал: «Я не ради бумаги. Я ради дела».

Темптер молчал. Бен молчал.

— А потом, — Михаил понизил голос, — в две тысячи четырнадцатом, он повел поезд через Донбасс. Первый раз, когда все только начиналось. В вагонах были люди. Старики. Женщины. Дети. Они бежали от войны. Мордван вез их в Россию. Под обстрелами. По разбитым путям. Без связи. Без охраны.

— И доехал? — спросил Бен.

— Доехал. Не все. Один вагон накрыло минометом. Погибло семнадцать человек. Детей в том вагоне не было. Но он до сих пор винит себя. Сказал Илье: «Мог бы иначе. Мог бы быстрее. Мог бы по-другому маршрут проложить».

Михаил замолчал. Посмотрел на Бена. В его глазах была

не грусть — тяжесть.

— С тех пор он в этом поезде. Не уходит на пенсию. Не уезжает. Говорит: «Мой маршрут еще не закончен».

— Каждый день возит людей, — сказал Темптер. — И каждый день помнит тех, кого не довез.

— Да, — сказал Михаил.

Бен поставил стакан. Он смотрел на дверь, в которую вышел старик. Смотрел и думал.

Он встречал таких. Старых вояк. Ветеранов, которые не могут уйти. Которые тащат на себе груз, даже когда позвоночник трещит. Мордван был из них. Из тех, кто не геройствует — просто делает работу. Даже когда работа — везти людей через ад.

— Теперь понял, почему он так ходит? — спросил Михаил. — Тяжело. Потому что тело помнит каждую пулю.

— А глаза? — спросил Темптер. — Почему они такие?

— Потому что он видел то, что не должны видеть глаза человека. Детей под обстрелами. Стариков, умирающих на платформах. Своих коллег, которые не доехали.

Поезд снова пошел быстрее. Пески кончились, пошли леса — на этот раз живые, зеленые, с осинами и березами. В лесу, у самой кромки путей, стоял старый семафор. Красный. Огонь не горел — но Бен знал, что он красный.

— Зауважал, — сказал Темптер.

— Что? — не понял Михаил.

— Он сказал: «Попутчики зауважают». Я зауважал. Бен,

ты?

Бен кивнул.

— Тяжелый мужик, — сказал он. — Такие не сдаются.

— Такие умирают на посту, — поправил Михаил.

В купе зашел Илья. С подносом. На этот раз — не кипяток. Стаканы с чаем. Настоящим — коричневым, пахучим, с дольками лимона на блюдцах.

— Начальник угощает, — сказал проводник равнодушно.

— Сказал — хорошие пассажиры. Редкость.

Он расставил стаканы. Перед Бенom, перед Михаилом, перед Темптером. Повернулся и ушел.

Бен взял стакан. Чай обжигал пальцы. Пахло бергамотом и чем-то еще — дымом, старым деревом, дорогой.

— За Мордвана, — сказал он.

— За Никифора Ильича, — поправил Михаил.

— За него, — кивнул Бен.

Они выпили. Даже Темптер — серьезно, без улыбки. Поезд шел через лес. За окном мелькнул указатель: на деревянном щите, прибитом к столбу, кто-то написал краской «СЧАСТЬЕ» и перечеркнул.

— Интересно, — сказал Темптер, — довезет ли он нас.

— Довезет, — ответил Михаил. — Всех довозит.

Бен молчал. Он думал о старике с тяжелыми глазами. О пулях, которые прошли в сантиметре от сердца. О детях, которых он спас. О тех, кого не спас.

Бен Лост не верил в героев. Но сейчас он был готов сде-

лать исключение.

Он посмотрел в окно. Лес закончился. Началось поле. А на поле — танк. Брошенный, старый, с открытым люком. На башне кто-то нарисовал белой краской звезду. Или крест. Бен не разобрал.

Поезд ускорился. Танк остался позади.

— Еще чаю? — спросил Михаил.

— Еще, — сказал Бен.

Илья придет снова. Через час. Или через два. Время в этом поезде текло по-другому. Но Бен пока этого не замечал.

Он просто пил чай и смотрел в окно.

А поезд шел вперед, туда, где рельсы кончаются.

Глава 5

Глава 5. Первый грех (Зависть)

Чай давно остыл.

Бен сидел, привалившись к холодной стене, и смотрел в одну точку на столике. Коричневый пластик был исцарапан до белесого слоя. Какие-то буквы, цифры, сердечко, проткнутое стрелой. Люди оставляют следы. Даже здесь. Даже в поезде, который идет неизвестно куда.

Темптер спустился с верхней полки и теперь сидел напротив, на месте Михаила. Сам Михаил перебрался наверх — ему так было удобнее, сказал он. На самом деле Бен заметил: Михаил не любит, когда кто-то сидит над ним. Слишком много времени за рулем, где обзор должен быть полным.

Поезд шел через редкий березняк. Белые стволы мелькали за окном как частокол, падал редкий свет — не солнце, скорее просветы между тучами. На одной из берез висела тряпка. Желтая, привязанная к ветке узлом. Бен подумал: ориентир. Для кого-то, кто заблудился.

Но кто сейчас ходит по этим лесам?

— Скучно, — сказал Темптер, нарушая тишину. — Едем уже который час, а вы оба молчите.

— Не скучно, — возразил Михаил сверху. — Спокойно.

— Спокойствие — это смерть, — усмехнулся Темптер. — Я имею в виду, для разговора. Есть же темы. Мы почти не

знаем друг друга.

— А надо? — спросил Бен.

— Надо, — серьезно ответил Темптер. — В дороге попутчики — это всё. Если сойдемся характерами — дорога короче. Если нет — будем смотреть в окно и считать столбы.

— Ты предлагаешь рассказывать истории? — Михаил свесил голову с полки. — Как в пионерском лагере?

— А почему нет? Время есть. Желание, надеюсь, тоже.

Темптер посмотрел на Бена. Бен пожал плечами.

— Рассказывай первый, — сказал он.

— С радостью. — Темптер потер ладони. — Но не я. Пусть Михаил. У него вид человека, который много видел.

Михаил помолчал. Потом вздохнул — глубоко, всем телом.

— Ладно, — сказал он. — Расскажу. Только не про себя. Про одного знакомого. Вернее, про двух.

— Слушаем, — сказал Темптер, устраиваясь поудобнее.

За окном березняк кончился. Пошли дома — редкие, разбросанные, с провалившимися крышами. Коттеджный поселок, который не достроили. Или бросили. Или уничтожили.

— Девяностые годы, — начал Михаил. — Екатеринбург. Время, когда рубль падал, а люди взлетали или падали вместе с ним. Были два брата. Не родные — названные. Дружили с армии. Один — Саша, второй — Коля. Саша — хваткий, пробивной, с железной хваткой. Коля — мягкий, толковый, но без напора.

— Типичный дуэт, — заметил Темптер.

— Типичный, — согласился Михаил. — Они открыли бизнес вместе. Прием лома цветных металлов. В девяностые это было золотое дно. Сдали — получил. Саша искал клиентов, пробивал лицензии, договаривался с ментами. Коля работал на точке — принимал, сортировал, взвешивал.

— И все шло хорошо? — спросил Бен.

— Шло. До поры. Потом появилась лицензия. Одна на двоих. Дешевле, чем две. Оформлять нужно было на кого-то одного. Саша сказал: «Я оформлю, ты не переживай, мы же братья». Коля согласился. Глупо, но согласился.

Михаил замолчал. За окном проплыл столб с натянутыми проводами. Провода висели низко — кто-то срезал изоляцию, собрал цветмет.

— Через месяц Саша пришел с бумагой, — продолжил Михаил. — «Лицензия моя. Точка моя. Ты, Коля, можешь работать у меня за процент». Какой процент — Саша не сказал. Коля спросил. Саша ответил: «Сколько заработаем — столько и получишь».

— Хороший брат, — усмехнулся Темптер.

— Коля терпел. Полгода. Работал по шестнадцать часов. Возился с цветметом, который вонял горелой проводкой и мазутом. А Саша ездил на новом «Мерседесе». Купил квартиру в центре. Нашел женщину. Женился.

— А Коля?

— Коля жил в той же общаге, где они начинали. Ел греч-

ку с тушенкой. И считал. Считал, сколько он принес денег в общее дело. Считал, сколько бы имел, если бы лицензия была на него. Считал и ненавидел.

Бен услышал в голосе Михаила что-то личное. Не актерство. Опыт.

— Что было дальше? — спросил он.

— Саша позвал Колю на день рождения. В ресторан. Хотел, видимо, показать — смотри, как я живу. Ты тоже так можешь, если будешь работать. Коля пришел. Выпил. Молчал весь вечер. А когда Саша пошел к выходу, встал, достал нож и ударил. Один раз. В шею.

— Прямо в ресторане? — спросил Темптер.

— В туалете. Саша мыл руки. Коля зашел сзади. Никто не видел.

— И что с Колей? — спросил Бен.

— Сел. Дали четырнадцать лет. Вышел через десять. Старенький, больной. Ни семьи, ни работы. Через год умер. В той же общаге.

Михаил закончил. Поерзал на верхней полке, устраивая спину.

— Грустная история, — сказал Темптер. — Типичная для девяностых. Только морали не вижу.

— А мораль простая, — ответил Михаил. — Зависть — это когда ты смотришь на чужое и забываешь о своем. Коля мог уйти. Начать свое дело. Найти другого партнера. Но он смотрел на Сашин «Мерседес» и видел только то, чего не

имел. А свое — труд, терпение, руки — перестал ценить.

— И убил, — сказал Бен.

— И убил, — повторил Михаил.

В купе повисла тишина. За окном проплыл указатель с названием, которое никто не прочитал. Поезд замедлился — приближалась станция. На платформе, еще издалека, Бен увидел людей. Двое мужчин. Один — в дорогом кожаном пальто, лысеющий, с тяжелым животом. Второй — маленький, щуплый, в старом пуховике, сгорбленный, с руками, опущенными вдоль тела.

Они не разговаривали. Стояли в трех метрах друг от друга. Ждали.

Поезд остановился. Двери открылись с шипением. Кто-то прошел по коридору — тяжелые шаги, стук колесиков по полу. Потом дверь их купе сдвинулась, и в проеме мелькнул чужой силуэт. Высокий мужчина в камуфляже без знаков отличия. Он прошел мимо, не глядя внутрь.

А на платформе Бен увидел другое.

Двое мужчин — тот, в дорогом пальто, и тот, в пуховике — стояли теперь вплотную. Щуплый протягивал руку. Лысый отшатнулся. Щуплый наклонился к его уху, что-то сказал, потом резко развернулся и зашагал прочь. Лысый остался стоять. По лицу его текло — Бен не понял, дождь или слезы.

Поезд дернулся. Платформа поплыла назад. Мужчина в кожаном пальто исчез из виду.

— Ты видел? — спросил Бен у Темптера.

— Кого?

— Их. Они похожи на...

— На кого?

Бен не договорил. Он понял, что не может объяснить. Мужчина в дорогом пальто напоминал кого-то из истории Михаила. Сашу. А щуплый — Колю. Но это было невозможно. Просто совпадение. Типажи девяностых до сих пор ходят по станциям.

— Ни на кого, — сказал Бен. — Просто показалось.

Михаил сверху молчал. Но Бен краем глаза заметил, как Михаил и Темптер переглянулись. Быстро. Один короткий взгляд. Бен решил, что ему показалось.

Поезд набрал скорость. В окно снова полезли поля — серые, мокрые, без единого следа человека.

— А у тебя, — вдруг спросил Темптер, глядя на Бена, — была похожая история? Ну, про зависть. Про то, как кто-то получил твое, а ты смотрел и скрипел зубами.

Бен молчал.

Он смотрел в окно, но видел не поля. Видел другое. Желтый свет палатки. Запах растворимого кофе и машинного масла. Лицо.

— Была, — сказал он наконец. — В две тысячи двадцать втором. В Польше. Лагерь «Явор» под Жешувом.

— Расскажи, — попросил Михаил.

Бен откинул голову на стенку. Закрыв глаза. И заговорил.

— Я пришел в лагерь одним из первых. Двадцать человек отобрали. Снайперов — трое. Я, финн по имени Мика и украинец Дмитрий. Дмитрий — худой, жилистый, с кривыми зубами. Воевал еще в четырнадцатом. Знает каждый куст на Донбассе. Может определить винтовку по выстрелу. Может прочитать карту с закрытыми глазами.

Бен открыл глаза. Посмотрел на свои руки.

— Меня поставили снайпером в пару к Дмитрию. Он — корректировщик. Я — стрелок. Идеальная связка. Американская винтовка, русский ум. Мы тренировались две недели. Стреляли на полигоне. Разбирали позиции. Он научил меня, где прятаться от дронов. Я научил его, как считать ветер на шестьсот метров.

— И вы сработались? — спросил Темптер.

— Да. — Бен кивнул. — Лучше, чем я ожидал. Мы даже выпили вместе после отбора. Дмитрий рассказывал про жену в Киеве. Про сына, которому семь лет. Показывал фото. Пацан в футболке с Человеком-пауком.

— А контракты? — напомнил Михаил.

— Контракты были разные. Мой — восемь тысяч в месяц. Дмитрия — шесть. Он узнал. Спросил: «Почему тебе восемь? Я здесь с четырнадцатого. Я знаю каждый куст. А тебе восемь».

— Что ты ответил? — спросил Темптер.

— Правду. — Бен усмехнулся. — Сказал: «Потому что я американец. Американцам платят больше». Я не хотел. Про-

сто факт. Рынок.

— Он обиделся, — предположил Михаил.

— Он запомнил, — поправил Бен.

Бен встал. Прошелся по купе — три шага до двери, три обратно. Сел.

— Через три дня приходит координатор. Фамилии не помню. Лысый, с татуировкой на шее. Говорит: «Бен, контракт пересмотрен. Ты больше не снайпер. Ты второй номер. Оплата — пять тысяч. Снайпером будет Дмитрий».

— Как он это объяснил? — спросил Темптер.

— Сказал: «Дмитрий местный. Он нужен живым для работы с местным населением. Ты — замена. Если что — найдем другого». — Бен сжал подстаканник так, что мельхиор хрустнул. — Я вышел из штаба. Закурил. Стоял под дождем и смотрел на лес. Думал.

— О чем? — тихо спросил Михаил.

— О том, как зайду в казарму, возьму Дмитрия за горло и спрошу: «Зачем?» — Бен покачал головой. — Но не зашел. Собрал вещи. Пересел в другую палатку. Стал вторым номером.

— Ты не убил его, — сказал Темптер. — Это важно.

— Я не убил, — согласился Бен. — Но я хотел. Каждую ночь, когда он храпел через три палатки от меня, я представлял, как давя ему на кадык. Представлял, как его жена в Киеве получает похоронку. И мне становилось легче.

Он замолчал.

Поезд качнуло. За окном снова пошел дождь — мелкий, косой, как сквозь сито.

— Что случилось дальше? — спросил Михаил.

— Через месяц Дмитрий попал в засаду. Под Бахмутом. Их группу накрыли минометами. Он выжил. Но через неделю его снял снайпер. Русский. Парень по имени Алексей.

При имени «Алексей» Бен вздрогнул. Сам не понял почему. Имя как имя.

— И ты? — спросил Темптер.

— Меня снова сделали снайпером. Вернули восемь тысяч. Я занял его место.

— Обрадовался? — спросил Темптер.

Бен долго молчал.

— Нет, — сказал он наконец. — Не обрадовался. Я выпил в тот вечер. Один. Сидел в пустом ангаре, пил дешевый виски из горла. И думал: если бы я не завидовал, если бы не злился, если бы просто принял... может, я успел бы его предупредить. Может, он был бы жив.

— Ты не виноват в его смерти, — сказал Михаил.

— Я виноват в том, что обрадовался, когда он умер. — Бен посмотрел на Михаила в упор. — Вот она, зависть. Она не в том, что ты отнимаешь чужое. Она в том, что ты празднуешь чужую беду. Потому что теперь ты на его месте. Ты получил его контракт. Его винтовку. Его смерть.

В купе было тихо. Только колеса стучали: туда-туда-туда. Темптер посмотрел на Михаила. Михаил — на Темптера.

— Зависть, — сказал Темптер. — Первый грех. Не самый громкий, но самый липкий. Он не орет. Он шепчет. «Посмотри, у него есть то, чего нет у тебя. Отними. Уничтожь. Стань на его место».

— И что делать? — спросил Бен. Голос его сел.

— Ничего, — ответил Михаил. — Помнить. И жить дальше. Если сможешь.

За дверью купе послышались шаги. Не Ильи — другие. Тяжелые, уверенные. Мордван. Старик в синей форме прошел по коридору, не заглядывая. Но Бену показалось, что за матовым стеклом мелькнуло его лицо. Старое, морщинистое, с глазами, которые видели слишком много.

Поезд сбавил ход. Впереди показалась станция. Маленькая, с одним фонарным столбом и скамейкой, на которой сидел человек. Бен присмотрелся: мужчина, средних лет, в пятнистой куртке. В руках — кейс. Металлический, серый.

Человек поднялся. Подошел к краю платформы. Встал ровно, глядя на приближающийся поезд.

— Смотри, — сказал Темптер.

— Вижу, — ответил Бен.

Поезд остановился. Двери открылись. Человек с кейсом зашел в вагон — не в их, в соседний. Через секунду дверь купе снова сдвинулась, и Бен увидел его профиль. Мельком, через матовое стекло.

Профиль был похож на Дмитрия. Кривые зубы, жилистая шея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.